

© З. Б. Лопсонова, Д. М. Маншеев

DOI: [10.15293/2658-6762.2004.13](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2004.13)

УДК 37.035+39(512.31)

Специфика социализации детей в традиционной культуре бурят

З. Б. Лопсонова, Д. М. Маншеев (Улан-Удэ, Россия)

Проблема и цель. Статья посвящена проблеме социализации детей в традиционной культуре. Цель статьи – раскрыть специфику социализации детей в традиционной культуре бурят через выявление ценностей воспитания и механизмов социализации ребенка, которые оказывали значительное влияние на становление человека.

Методология. Исследование основано на аксиологическом подходе: традиции родовой культуры служили идеалами воспитания, где основополагающим принципом являлось ценностное отношение к ребенку. На основе теоретического анализа данных по этнографии бурят определялись специфика и механизмы социализации детей в традиционной культуре. Применение сравнительно-сопоставительного анализа позволило выявить сходства и различия в определении возрастных границ детства и традиций воспитания у монголоязычных народов. Метод моделирования позволил конкретизировать данные эмпирического исследования и обосновать возрастную периодизацию детства у бурят.

Результаты. Проведен анализ практики и механизмов социализации детей на основе обрядово-ритуальных действий, обеспечивающих переход ребенка на новый этап взросления. Выявлено, что основная среда социализации индивида на этапе детства – семья или семейно-родственная группа. Обозначена система традиционных ценностей воспитания у бурят, определяющих поведенческие модели, осмысление своего «Я» в системе социальных отношений, раннее включение в трудовую деятельность. Разработана модель возрастной периодизации детства у бурят.

Заключение. Истоки ценностного отношения к детству были встроены в систему жизнеобеспечения традиционного общества бурят. В системе ценностей воспитания выделяется ответственность родителей перед семейно-родовым коллективом в становлении личности ребенка. Многодетность поддерживается верой в перерождение души, принятия особой миссии появления ребенка, обычая передачи детей бездетным родственникам. Механизмами социализации в кочевом сообществе выступают возрастные инициации и переходные обряды, раннее приобщение к труду, гендерная дифференциация.

Ключевые слова: традиционная культура; ценности воспитания; возрастные инициации; социализация; обряды перехода; традиции семьи.

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-09-0502 Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

Лопсонова Зинаида Баторовна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики начального и дошкольного образования, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова.

E-mail: lopsonova@mail.ru

Маншеев Доржа Михайлович – доктор исторических наук, доцент, кафедра философии, истории и культурологии, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления.

E-mail: dorzham@mail.ru

Постановка проблемы

Актуальной проблемой современной педагогической науки является реконструкция и использование традиционных этнических систем воспитания детей. В условиях глобализации, с одной стороны, возникают новые возможности такого развития, а с другой, – складываются условия, способствующие разрушению культуры этносов. Этническая культура является результатом адаптации разных народов к условиям их местообитания¹. Следовательно, в этнической культуре отражены ценности, позволяющие жить и развиваться в определенной социальной и экологической среде.

Вопросы изучения и применения традиционной культуры воспитания разных народов в образовательных системах стран мира находят отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Так, коллектив ученых из Бразилии R. Orlandi, P. Capelin, R. Garcia, A. Oliveira в своем исследовании [1] ставит проблему этнической и расовой дискриминации в бразильском образовании (между университетом и внешним сообществом). Исследователи предложили способ решения проблемы через апробацию элементов традиционной культуры воспитания на практике: обсуждение документальных фильмов по истории коренных народов, о правах народов, выявление происхождения различных блюд, исполнение танцев народов Бразилии. Ученые обосновали необходимость изменения учебных планов школ Бразилии для решения поставленной проблемы.

Китайский исследователь J. Zhang в своей статье «Educational diversity and ethnic cultural heritage in the process of globalization»

[2] обосновал необходимость изучения и использования этнических культур меньшинств Китая. По мнению автора, приобщение ханьцев к культурам малочисленных народов Китая обогатит их знания и откроет им новые, более значимые модели жизни.

Языковеды А. П. Бекетова, Т. В. Куприна, А. Петрикова, М. Мишенкова разработали метод позитивной межкультурной коммуникации, основанный на коммуникативно-ориентированном обучении иностранному языку [3; 4].

В работе T. D. Jules раскрыты новые подходы к развитию национального (этнического) образования с учетом поликультурности региона стран Карибского бассейна для решения проблем интеграции [5].

Методология обучения, позволяющая ориентироваться во множестве культур, предложена в работе европейских ученых I. Liadaki-Dedouli и J. Plouin [6], специализирующихся в исследовании проблемы межкультурного диалога для межправительственных и неправительственных организаций.

Опыт использования национальных игр в воспитании детей представлен в статьях М. М. Колокольцева [7], R. McElligott [8], M. P. Morales [9], J. Williams [10], М. А. Токмашева, А. А. Ильина, Л. В. Капилевич [11]. В исследованиях авторов [11] раскрыты позитивные результаты использования этнопедagogических технологий в физическом воспитании, способствующие повышению уровня физиометрических показателей, развития межкультурной коммуникации и этнической идентичности.

Исследователи Национального университета Чонбук Республики Корея J.-K. Lee,

контексте современной культуры. – Уфа: Издательство Башкирского государственного университета. – 2018. – С. 161–164. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37226919>

¹ Рабаданова Р. С., Фатыхова А. Л., Ахмадиева Л. Н. Воспитание нравственно-эстетических потребностей на основе этнических ценностей // Этнопедагогика в

S. Shin, H. N. Yoo [12], работающие в области биологии и медицины, провели исследование значимости практического использования врачами знаний о расах, их культурных и физиологических особенностях. Исследователи выявили, что корейские студенты-медики лишь в общих чертах знают о расовых различиях и не готовы использовать существующие знания о расах в медицинской практике. Корейские ученые доказали необходимость введения в официальную учебную программу медицинских образовательных учреждений преподавания курсов о расах на основе современных концепций. По мнению исследователей, знания о культуре и физиологии разных этносов позволят будущим медикам решать сложные вопросы современной медицины. Они обращают внимание на опасность использования устаревших и ложных концепций рас медиками в условиях перехода Кореи к многокультурному обществу.

В ряде работ затронуты проблемы поликультурного воспитания детей. Так, исследователи Т.-Н. Huang, Y.-C. Liu в своей работе на основе тщательного анализа культур коренных народов определили принципы разработки учебных программ на Тайване [13]. Авторы выделили пять измерений, которыми должны быть снабжены учебные программы: 1) сочетать повседневную жизнь и сохранять традиционные ценности; 2) учитывать субъективность каждой этнической группы; 3) позволять практиковать ученикам; 4) использовать мультимедиа и выход на улицу; 5) повышать уверенность учащихся и развивать их общее мировоззрение.

В исследовании Б. А. Тахохова представлены пути решения проблемы сохранения этнических культур в условиях глобализации, их гармоничного сочетания [14]. С. М. Хаджиев на основе анализа разных концепций интеграции культур выявил наиболее продуктивные направления поликультурного воспитания молодежи². С. Б. Дагбаева в своей статье рассматривает этническую социализацию детей как процесс гармоничного вхождения индивида в полиэтничное общество [15].

Важное значение для решения обозначенной темы исследования имеют работы Д. Ш. Мустафаевой [16], А. С. Койчуевой, Л. Ю. Урусовой³, А. А. Иванова, Я. С. Иващенко [17], в которых актуализируются вопросы использования ценностей этнических культур в воспитании.

Таким образом, анализ трудов ученых, исследующих вопросы этнопедагогике, выявил наличие разнообразных проблем в образовании, связанных с недостатком внимания к традиционным системам воспитания разных этносов.

Вместе с тем на сегодняшний день недостаточно исследований, раскрывающих вопросы этнопедагогике и ценностей бурятской культуры, раскрывающих традиционную специфику социализации детей бурят.

Цель статьи – выявить и обосновать специфику социализации детей в традиционной культуре бурят через определение ценностей воспитания и механизмов социализации ребенка, которые оказывали значительное влияние на становление человека.

² Хаджиев С. М. Специфика интеграции культур в поликультурном воспитании // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – № 4. – С. 283.

³ Койчуева А. С., Урусова Л. Ю. Нравственные идеалы карачаево-балкарского народа и их роль в воспитательной практике горцев // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61–3. – С. 107.

Методология исследования

Материалами исследования послужили следующие источники: научные разработки ученых, представленные в статьях, монографиях, диссертационных исследованиях; научно-методическая литература по вопросам этнопедагогики.

В качестве методов исследования были использованы: теоретический анализ и синтез, систематизация теоретических данных, сравнительно-сопоставительный анализ, моделирование. В качестве объекта исследования выступает процесс и культура социализации детей в традиционном бурятском обществе.

В целом исследование было направлено на выявление и обоснование специфики социализации детей посредством анализа механизмов возрастных переходов, сопровождавшихся ритуалами и обрядами защиты детства, а также определение ценностных оснований воспитания на каждом этапе взросления ребенка.

В данном исследовании использована методика наблюдений за детьми, воспитывающимися в условиях сельской моноэтнической среды, беседы со старожилами, носителями информации.

Авторами данного исследования разработана и обоснована модель возрастной периодизации детства, принятая в традиционной культуре бурят. В качестве основания возрастной периодизации были приняты этапы социализации, возрастные инициации, ритуалы и обряды перехода, виды деятельности детей.

Результаты исследования

Рассмотрим систему традиционных семейных ценностей и механизмы, обеспечивающие позитивную социализацию детей в культуре этноса. Согласно материалам исследований этнографов, дети в системе традиционных ценностей бурят, занимают главенствующее положение⁴.

Конечной целью программы воспитания детей в культуре кочевого народа являлось «хүнэй зэргэ хүн болгохо» («сделать его человеком»). Этап взросления ребенка, определялся характеристикой его физической и социальной зрелости, что буквально означало опеку родителей до обретения им самостоятельности, которое характеризовалось меткой фразой «хүлыень дурөөдэ, гарыень ганзагада» («ногами может достать стремя лошади, руками дотянуться до тороки»). Данная фраза включает в себе глубокий смысл цели воспитания в семье, родительской ответственности перед всем семейно-родовым коллективом за достойное воспитание ребенка, а также является одним из распространенных благопожеланий, закрепившихся в устном народном творчестве бурят.

Результат хорошего воспитания выразился в оценке поведения и умений человека, когда взрослые отзывались о нем по своим наблюдениям, что все зависит от «эхэ эсэгын һургал» («от родительского научения, воспитания») ⁵. К примеру, по мере того, как сын включался в мужскую хозяйственную деятельность, он постепенно переходил под опеку своего отца.

Буряты важное значение придавали мужскому воспитанию, так как существовал культ мужчины-кормильца, добытчика и

⁴ Галданова Г. Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1992. – 173 с.

⁵ Цырендоржиева Б-Х. Ж. Хун болохо багаһаа. – Улан-Удэ, Бэлиг, 2014. – 128 с.

только под его присмотром сын мог стать достойным человеком.

Значимым явлением в семейных ценностях бурят являлось понятие «*удха*» – происхождение и корни человека, согласно которому, можно было получить первое представление о том, что характеризует человека, его сущность, так как оценивали по его принадлежности к тому или иному роду. Особую функцию продолжателя рода возлагали на сыновей и считалось, что «*хүбүүн хүн эсэгын нэрэ нэрлүүлхэ, уга үргэлжэлүүлхэ*» («сын прибавит достоинства отцу и прославит свой род»). Если в семье рождались только девочки, в родословной записи указывалось на отсутствие детей «*үри угы*», т. е. род прерывался. Все это свидетельствует о силе мужского начала в семье и ответственности за продолжение рода.

Традиция знать свои корни устанавливала первые шаги в осмыслении своего «Я» в системе социальных связей и отношений. Во время семейных праздников в кругу родственников дети должны были наизусть рассказывать свою родословную по восходящей и нисходящей линии, соревнуясь между собой. Особенно важно было ребенку получить одобрение со стороны взрослых за демонстрацию хорошего знания о родовой ветви и своего места в ней. Такое знание имело престижный характер, являлось своеобразным механизмом передачи поведенческих моделей лиц разного иерархического уровня в широкой сети родственных корпораций.

Обучение детей знанию своей родословной начиналось с момента овладения ими речью. Такая традиция позволяла закрепить в сознании ребенка картину мира, служила программой воспитания у него чувства соприженности с группой и владение картой коллективной родовой памяти⁶. В народе говорили «*угаа уһанда хаянгүй, шуһаа нишлүүлэнгүй*» («не забывай свой род, не допускай кровосмешения»), поэтому отношения родства сохранялись до седьмого колена, а затем становились чужими людьми.

Итак, как мы видим, что знание родословной являлось регулятором отношений в роду и способом социализации детей.

Рассмотрим обряды защиты детства, которые наиболее полно были представлены у бурят, особенно на первом году жизни⁷. Описание ритуальных обрядов, характеризующих практику социализации детей у бурят мы встречаем в историко-этнографическом очерке по закаменским бурятам⁸. В нем были рассмотрены и подробно описаны обряды «захоронения послета», «укладывания ребенка в колыбель», «имянаречения» и др.

Следует заметить, что многодетность как признак крепкой и полной семьи культивируется в сознании бурят с детства. У повивальной бабки, принимающей роды «*хүйһэ хүндэһэн эхэ*», должна быть многодетная семья, а ее дети все живы и здоровы. Также во время проведения свадебного обряда «*хадак*» (сватовство), должны присутствовать много-

⁶ Сыденова Р. П. Антропология детства бурят: культура социализации. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3–2. – С. 174.

⁷ Хухлаева О. В. Этнопедагогика: социализация детей и подростков в традиционной культуре: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 248 с.

⁸ Галданова Г. Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – 173 с.

детные члены рода, которые имеют полные семьи, также важно соблюсти данное требование во время ритуала застилания постели новобрачным. Такие традиции укрепляли ценность семьи.

Вскоре после рождения ребенка совершалось первое действие в системе охранных мер, это обычай «захоронение последа», который должен происходить внутри или за пределами юрты, но обязательно на территории кочевий рода. Место захоронения последа буряты называли «тоонто». Во время ритуала захоронения последа, могли присутствовать бездетные семейные пары или малолетние семьи для того, чтобы судьба в будущем подарила им потомство. Буряты верили, если хорошо обращаться с ребенком, это поможет «возвратить божество детей» («*үхибүүни тэнгри эрьюүлхэ*»).

Существовал обычай брать детей на воспитание у своих родственников. Считалось, что, отдавая ребенка на воспитание близким родственникам, совершаешь благое дело. Согласно житейским наблюдениям, в семьях, взявших детей на воспитание, появлялась особая аура ребенка, в которой позже рождались свои дети.

Одним из распространенных способов обретения счастья материнства являлось посещение священных мест с целебными источниками, где проводились необходимые обряды. К примеру, есть места поклонения, где бездетные семейные пары, просят детей у местных духов, хозяев гор. Для этого проводится специальный ритуал поклонения хозяину, дарения детских вещей и игрушек.

Обряд «уложения ребенка в колыбель», символизировал наделение ребенка имуществом, т. е. домом, колыбелью и ее можно

было взять у близких родственников по отцовской линии или смастерить новую. Существовало поверье о том, что нельзя готовить колыбель до рождения ребенка «*Түрөөгүй хубүүндэ түмэр үлгы бү бэлдэ*», что означало «не родившемуся ребенку, не готовь железную люльку», также нежелательно было шить одежду раньше времени, выбирать имя ребенку, чтобы не укоротить продолжительность его жизни. Таким образом, все защитные ритуальные действия имели свое объяснение.

В течение первого года жизни ребенка в дом или юрту запрещено было входить посторонним, для этого ставили специальные опознавательные знаки. Например, халха-монголы протягивали вокруг юрты *зэг*, веревку, сплетенную из конского волоса и увешанную ленточками и колокольчиками, буряты ставили *харюул-табу*, «сам», «сонтоо» в виде сооружения из трех березовых палок⁹.

По достижению ребенком возраста одного года, а по лунному календарю два полных года, отмечали праздник *милаангүүд*, т. е. родины, посвященный ребенку. *Милаангүүд* – древний обычай, который символизировал посвящение ребенка в члены родового общества. Праздник отмечали широко, приглашали гостей, забивали быков, угощали молочной водкой «архи», одаривали подарком бабку-повитуху, а родственники дарили ребенку по мере возможности корову, лошадь, барана и т. д.

Следует отметить, что в настоящее время в семейной культуре современных бурят активно возобновляется традиция празднования первого дня рождения ребенка «*Милан*» в кругу близких родственников. Темп жизни в современном урбанизированном мире отдаляет родственников от общения друг с

⁹ Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика. – М., 2002. – 246 с.

другом, но благодаря идее возрождения данной традиции продолжают закрепляться отношения родства. Как отмечает Л. Д. Дашиева [18], в современной обрядовой культуре бурят обряды перехода сохранились уже в модифицированной форме.

Младенцы до трех лет, имели покровителя благодати Заяши и воспринимались равными божеству («бурхантай адли»), т. е. «были» ближе к миру предков (духов), чем обществу людей. Тонкая и хрупкая связь ребенка с миром, заставляла людей вырабатывать систему оберегов, к примеру, над изголовьем ребенка подвешивали оберег в виде изображения животного, под знаком которого родился ребенок. Представление о покровителе благодати детей Заяши, формировало способ отношения к ребенку в семье, если плохо обращаться с ребенком, можно его потерять¹⁰.

Особое отношение к малолетним детям было обусловлено верой в перерождение души умерших родственников. По обычаю, делали метку сажей на теле умершего, а позже, если в кругу близких родственников рождался ребенок с таким же родимым пятном (мэнгэ), определяли его перерождение. В эмоциональных проявлениях к детям, буряты были более чем сдержанными, распространенным было не целовать, а нюхать макушку ребенка, старики говорили ребенку: «*тунтүүгэ үгэ*» («дай понюхать макушку»).

Таким образом, действия, касающиеся сохранения жизни ребенка и закрепившиеся в сознании родителей зависели от качественного совершения обрядов защиты детей.

Ценным для укрепления института семьи является также существующее поверье о том, что ребенок рождается со своей долей,

что он приносит в дом достаток, благополучие и процветание. В планировании и репродукции семьи современным родителям важно задумываться об особой миссии появления нового члена семьи.

Переход ребенка из младенческого возраста («*нарай*») в стадию детство («*ухибуун үе*»), соотносился с 2-х или 3-х летним возрастом с учетом периода внутриутробного развития. Период «младенчества» завершался стрижкой утробных волос, что символизировало переход в следующую возрастную стадию развития. Изменения позволяли обозначить половую дифференциацию с помощью маркировки (у девочек две пряди на макушке, у мальчиков одна прядь на темени), тем самым ребенок уже отдалялся от «мира предков, божеств» и учился вступать в отношения с членами своего рода.

Основная среда социализации индивида на этапе детства – семья или семейно-родственная группа, дети представляли собой объект воспитания не только для родной (нуклеарной семьи), но и всего семейно-родственного коллектива. Примером такого проявления является забота об одиноких стариках, которые в старости оставались на попечении всего рода. Одиноких стариков, просящих милостыню, не наблюдалось¹¹.

Таким образом, узы семейного родства выступали также механизмами социализации детей.

Примерно к 9 годам наступал период отрочества, мальчики проявляют интерес к общению со сверстниками, где они учатся первым навыкам национальной борьбы, стрельбы из лука, участия в состязаниях скаковых лошадей. Девочки к этому возрасту становились

¹⁰ Галданова Г. Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. – 173 с.

¹¹ Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят: в 2 частях. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1970. – 363 с.

помощниками матери по ведению домашнего хозяйства.

Дискуссионным остается вопрос о конкретных сроках продолжительности периода детства в культуре социализации бурят. Возможно детство завершалось к 10, а отрочество к 13–14 годам, «о точных границах конца детства, начала и конца отрочества, можно говорить лишь предположительно»¹².

Следует обратить серьезное внимание на тот факт, что возрастная периодизация тесно связана с 12 годичным циклом и олицетворяла этапы жизни человека. Течение жизни воспринималось архаическим сознанием не как линейный, а как циклический, повторяющийся процесс.

Летосчисление у монголов, как и у других кочевников Центральной Азии, было основано на наблюдениях за фазами луны. Начало жизни ребенка отсчитывалось не с момента рождения, а с периода внутриутробного развития ребенка, т. е. этот период включался в возрастную периодизацию, ребенок появлялся на свет годовалым.

Процесс социализации неразрывно связан с культурным возрастным символизмом. Отмечается схожесть в структуре возрастных категорий бурят и монголов, которая отличается большей компактностью, меньшим числом градаций, «по сравнению с антропологической рубрикацией, основанной на европейских данных». Так, в традиционной культуре монголов можно выделить три большие градации: младенчество – до 3 лет, детство – от 3 до 7, отрочество – от 8 до 15, а в условиях кочевого быта период зрелости индивида наступал

к 16 годам. В этом возрасте человек мог возложить на себя «ответственность за себя, семью, коллектив и вести активную трудовую деятельность»¹³.

Таким образом, отличительной чертой монгольских детей и бурят, в том числе, являлось раннее взросление, т. е. период детства по сравнению с европейской культурой, был коротким. Такая этнокультурная ситуация развития была обусловлена суровыми климатическими условиями и образом жизни кочевников, где необходимо было быстрее осваивать навыки самостоятельности и включаться в труд взрослых.

Для полноты изучаемой картины социализации детей рассмотрим систему приобщения детей к практическим трудовым навыкам. Известно, что у разных этносов в воспитании детей имеются отличия, обусловленные культурой того или иного этноса. Культура этноса формируется под влиянием природной среды, соседних народов, определенной политики государства.

Этническая Бурятия расположена в переходной экологической зоне между зональными степями Центральной Азии и полосой Сибирской тайги. С древних времен в Бурятии наряду с кочевой культурой существовали очаги оседло-земледельческой культуры. Существенное место занимала и культура охотников.

Основой развития культуры бурят служат традиции нomaдизма Центральной Азии. Тем не менее, бурятская культура, наряду с кочевой, впитала и трансформировала элементы оседло-земледельческих цивилизаций – китайской, среднеазиатской и русской.

¹² Галданова Г. Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. – 173 с.

¹³ Викторова Л. Л. Система социализации детей и подростков у монголов, пути и причины трансформации ее элементов // Этнография детства. Традиционные модели воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. – М., 1983. – С. 51–70.

Монгольское государство поддерживало идею коллективизма, первенства общественного над частным. Вышеперечисленные факторы обусловили хозяйственные традиции бурят и оказали влияние на развитие системы трудового воспитания.

Большое значение в трудовом воспитании детей бурят имели игры. С 4–5 лет детей начинали учить езде на лошади в форме катания. В последствии, полученные навыки позволяли подросткам – юношам и девушкам легко управлять лошадью, используя ее в различных видах хозяйственной деятельности. К 10 годам бурятские мальчики приобретали навыки объезды лошадей. Умение управлять лошадью, объезжать ее было характерно и для других монголоязычных народов. Об этом свидетельствуют этнографические материалы баргутов и халхасцев¹⁴.

В своих играх дети подражали трудовой деятельности взрослых. Популярными были игры с арканом, луком со стрелами. Мальчики изображали поимку лошадей арканом, пытаясь накинуть петлю на конце веревки на пень или воткнутый в землю колышек. Еще одной популярной игрой была охота на дикого зверя посредством использования самодельного лука и стрел. В качестве зверя или мишени использовали ствол дерева или столб. Хорошим считался лук, изготовленный из ветви ели, а стрелы вырезали из полена. Передний конец стрелы обматывали металлической проволокой для утяжеления.

Девочки играли в игры, имитирующие выполнение домашней работы. В основном это были игры, отражающие приготовление пищи, угощение гостей, кормление и уход за ребенком.

С 7–8 лет буряты начинали приучать детей выполнять несложные работы. Маленькие дети по мере сил помогали матерям в домашнем хозяйстве, помогали принести воду, дрова, помыть посуду, выгнать скот со двора, пригнать недалеко пасущихся телят или овец. Северные буряты, живущие близко к тайге, брали своих детей на охоту, сбор дикоросов, покосы на опушке леса, где им отводилась роль маленьких помощников.

Для северных бурят, а позже, в связи оседанием, и для восточных и южных бурят самой ответственной порой в летнее время была заготовка сена. За короткий срок нужно было скосить, высушить и собрать сено для прокорма скота зимой. Поэтому в заготовке сена участвовала вся семья, которая объединялась с родственниками и соседями. Дети с семи лет помогали ворошить и грести сено, а 9–10-летние уже косили сено [19].

К 11–12 годам дети полностью включались в хозяйственную деятельность семьи. Так, этнограф Б. Э. Петри, описывая быт северных (предбайкальских) бурят, писал: «Мальчики, достигшие 11–12 лет, работали наравне с отцом. Беспрекословно подчиняясь воле отца, они в то же время проявляли много личной инициативы. Поощрение их самостоятельности со стороны старших вселяло подросткам уверенность в себе. Девушки помогали матери в домашнем хозяйстве, ухаживали за скотом, а также присматривали за младшими детьми»¹⁵. Из описания исследователя видно, что северные буряты поощряли инициативу в трудовом воспитании подростков прививая детям самостоятельность в решении хозяйственных задач.

¹⁴ Уртанасан 2013 – Уртанасан. Барга айлин жилийн ажал. – Хайлар: изд-во Өвор монголын соелын хэблэлийн хороо (на старомонгольском языке), 2013. – 451 с.

¹⁵ Петри Б. Э. Внутриродовые отношения у северных бурят. – Иркутск, 1925. – 72 с.

О раннем взрослении бурятских детей писал в своем исследовании Г. М. Осокин¹⁶. Исследуя жизнедеятельность южных бурят, он приходит к следующему выводу: «Особым призором или наблюдением бурятские дети не пользуются. Как только ребенок начинает ходить, попечение родителей сводится на нет. Детям дается полная свобода действий, так что 5–7-летние считаются настолько самостоятельными, что уходят иногда далеко и надолго, не заставляя родителей, беспокоиться за их сохранность. Бурятский мальчик 8–9 лет как по виду, так и по взглядам будет равняться крестьянскому в 10–12 лет»¹⁷.

Очевидно, что традиционные принципы воспитания, основанные на возможности свободы и творчества ускоряли процесс включения детей в общественные процессы. Активному развитию трудовых навыков способствовала адаптация детей с ранних лет к реальной системе жизнеобеспечения бурят в условиях Южной Сибири.

В подростковом возрасте воспитание детей в бурятской семье дифференцировалось. В прошлом у бурят, как и в любом традиционном обществе, достаточно четко были определены роли мужчины и женщины. Гендерная дифференциация выразилась в формировании у детей представления о том, что должны уметь делать мужчина и женщина.

Трудовые навыки выражены в сформировавшихся в бурятской культуре кодексах мужчины и женщины: «Девять доблестей настоящего мужчины», «Семь талантов жен-

щины». Исходя из кодекса, трудовыми навыками мужчины являлись способность стрелять из лука, управлять лошадью, умения выполнять столярные, плотнические и кузнечные работы. Женщины должны были уметь воспитывать детей, вести домашнее хозяйство и поддерживать семейный очаг, готовить пищу и шить одежду [20].

В подростковом возрасте дети становились полноценными членами семьи, их посвящали во все семейные дела и поручали им самостоятельное выполнение хозяйственных дел.

Суровые климатические условия сформировали у народов Южной Сибири традиции взаимопомощи. За время короткого сибирского лета необходимо было подготовиться к долгой зиме с сильными холодами. Это требовало усилий сплоченного коллектива.

Традиции взаимопомощи прививались бурятам с детства. Дети по мере своих возрастных возможностей участвовали в хозяйственных работах требующих коллективных усилий, таких как заготовка дров, вывоз навоза и унаваживание утугов, стрижка овец и клеймение лошадей, отгон и пастьба скота, строительство жилищ, изготовление войлока и заготовка сена.

Таким образом, следуя логике данного исследования, обобщим полученные этнографические, культурологические и этнопедагогические данные, рассмотрим модель возрастной периодизации детства, принятую в традиционной культуре бурят. Результаты представлены в таблице (табл. 1).

¹⁶ Осокин Г. М. На границе Монголии: очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. – 304 с.

¹⁷ Там же.

Таблица 1

Возрастная периодизация детства, принятая в традиционной бурятской культуре

Table 1

Age periodization of childhood, adopted in the traditional Buryat culture

Возраст	Этапы социализации	Возрастные переходные обряды	Виды деятельности
1	2	3	4
Пренатальный, внутриутробный период («Эхын умай соо»)	Начало летоисчисления «Бэе оло» (нашел свое перерождение)	Обряд зазывания ребенка, вера в миф о появлении ауры будущего ребенка	
0–1 младенчество («нарай», <i>нялха наһан</i>)	«нарай» – период новорожденности. Приобщение к семейно-родственному коллективу	Перерезание пуповины («хүйһэ хүндэлгэ»); Обряд «Захоронение следа», Обряд «Укладывание ребенка в колыбель» («үлгыдо оруулха»), Имянаречение, Обряд «Знакомства родственников и знакомых с ребенком», Праздник милаангууд (родины, достижение возраста 1 года), Обряд «Наделения долей» одаривание младенца подарками	
С 2–3 до 8–10 лет Детство («үхибун үе»)	Детство – период отдаления от «мира предков, божеств», установление более близких отношений с социальным коллективом Полоролевая социализация: мальчики с 3 лет, девочки с 4 лет. «Уха орохо», «мэдэ орохо», самоосознание, самоидентификация ребенка	Обряд «үһэ хайшлаан», стрижка утробных волос, отлучение от груди, изменение прически	К 6–7 г. приучение к труду, выполнение несложных трудовых поручений (мальчики обучались верховой езде, умению запрягать и распрягать лошадь, пригонять скот, девочки присматривали за младшими, помогали матери по хозяйству). Девочки примерно с 7–8 лет учились шить, вышивать, доить коров, готовить пищу, приобщались к операциям по обработке

Окончание таблицы

1	2	3	4
			шерсти, шкур, сучению ниток из сухожилия, витью веревок Мальчики с 7–8 лет участвовали в полевых работах, работали на сенокосе, помогали взрослым ухаживать за скотом, приучались резать скот и разделять тушу, шорничать, объезжать лошадей, ориентироваться в степи
С 9 лет до 13–14 лет Отрочество	Отрочество Мальчики участвовали в облавных охотах. Процесс становления мужчины	Обряды инициации «жэлээ оруулга», вхождение в год своего рождения. Обряд сохранения жизненной силы для подростков, обряд помазания большого пальца	Девочки самостоятельно могли доить коров, заниматься выгонкой тарасуна, участвовать в уборке сена и др. Мальчики занимались борьбой, стрельбой из лука, учились управлять лошадей, обучать скаковых лошадей, обращаться с оружием. Приобщались к мужским ремеслам (обработка дерева, изготовление сбруи и др.)
14–15 лет	Обряд инициации	Обряд «Яман хонин хоер» для мальчиков. Изменение прически у девушек одна коса	Полное овладение трудовыми навыками
16–18 лет «наһаа хүсэхэ», достичь совершеннолетия	Пора зрелости, достижение совершеннолетия, ответственность за себя, за семью	Обрядовые состязания «Эрын гурбан наадан» (Мужские игры)	С этого времени человек считался взрослым

Итак, этапы социализации сопровождались совершением обрядов, часть которых была направлена на включение человека в определенную социальную группу, а другая часть знаменовала переход индивида из одной возрастной стадии в другую.

Как видно из таблицы, если первый год жизни и период, предшествующий рождению ребенка был строго ритуализирован, то в последующие этапы детства их становится меньше, в связи с тем, что трудный период

пройден, опасность за жизнь ребенка снижается и акцент переносится на качественные изменения состояния.

Заключение

Таким образом, целью традиционной системы воспитания бурят было формирование личности, соответствующей нормам, правилам, ценностям, знаниям и навыкам семейно-родового коллектива, которые позволяли ему жить и развиваться в условиях кочевой культуры Центральной Азии.

К основополагающим ценностям системы воспитания бурят относится принятая обществом ответственность родителей перед семейно-родовым коллективом в формировании личности ребенка. Еще одной немаловажной ценностью воспитания являлась постепенная передача человеку в ходе взросления знаний о его происхождении и того, кем он должен стать в будущем.

Ценность полной и многодетной семьи просматривается в признаках, которыми должны обладать члены общины, участвующие в рождении человека и новой семьи, а также в обычае передачи детей из многодетных семей бездетным. Вера в перерождение душ умерших родственников в новорожденном давала ответ на вопросы о причине рождения и смысле жизни. Значимым для укрепления института семьи является принятая в культуре бурят мысль об особой миссии появления нового члена семьи, приносящего в дом достаток, благополучие и процветание.

В культуре воспитания бурят существенным элементом является четкое определение ролей мужчины и женщины. Гендерная дифференциация выражалась в сформировавшихся в бурятской культуре кодексах мужчины и женщины: «Девять доблестей настоящего мужчины», «Семь талантов женщины»,

включавшие в себя, прежде всего, трудовое воспитание.

К механизмам социализации в системе воспитания бурят относятся игры, связанные с приобретением трудовых навыков, необходимых в кочевых обществах. Дети по мере взросления включались в непосредственную хозяйственную деятельность родителей. Большое значение в социализации имело участие детей в коллективной трудовой деятельности, обеспечивающей общине жизнеспособность в суровых природно-климатических условиях Южной Сибири. Приобщение детей с ранних лет к трудовой деятельности семьи и общины являлось одним из главных механизмов воспитания бурят.

Возрастные переходные обряды являлись также существенным механизмом социализации в культуре бурят. В ходе инициации человек безболезненно включался в определенную социальную группу, или переходил из одной возрастной стадии в другую. И наконец, само состояние традиционной системы воспитания бурят, прививающее человеку необходимые навыки жизнедеятельности в сложившихся природных и общественных условиях, является основным механизмом социализации индивида.

Новизна исследовательского подхода заключается в том, что раскрыты ценностные основания культуры социализации в традиционном бурятском обществе, которые вырабатывались на протяжении веков. Теоретическая значимость состоит в том, что на примере исследования особенностей традиционного воспитания детей бурят можно расширить теоретические представления о системе воспитания монголоязычных народов мира. Практическая значимость исследования заключается в том, что ценности воспитания, выработанные в

культуре бурят, могут использоваться в разработке современных образовательных программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Orlandi R., Capelin P., Garcia R., Oliveira A. Education and Ethnic-Racial Relations: Altering Encounters between University and Community // *Open Journal of Social Sciences*. – 2018. – Vol. 6 (12). – P. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.4236/jss.2018.612008>
2. Zhang J. Educational diversity and ethnic cultural heritage in the process of globalization // *International Journal of Anthropology and Ethnology*. – 2019. – Vol. 3. – Article No: 7. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41257-019-0022-x>
3. Petrikova A., Kuprina T., Beketova A., Mishenkova M. Intercultural aspects of concept «tolerance» and facilities of creating tolerant academic environment // *XLinguae*. – 2017. – Vol. 10 (4). – P. 287–303. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.04.24>
4. Beketova A. P., Kuprina T. V., Petrikova A. Development of students' in-tercultural communicative tolerance in the university multilingual educational environment. // *Образование и наука*. – 2018. – Т. 20, № 2. – С. 108–124. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-108-124> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32561584>
5. Jules T. D. Mature regionalism' and the genesis of 'functional projects': 'educational regionalism' in small (and micro-states) // *Globalisation, Societies and Education*. – 2017. – Vol. 15 (4). – P. 482–498. DOI: <https://doi.org/10.1080/14767724.2016.1264289>
6. Lianaki-Dedouli I., Plouin J. Bridging anticipation skills and intercultural competences as a meansto reinforce the capacity of global citizens for learning to learn together // *Futures*. – 2017. – Vol. 94. – P. 45–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.03.001>
7. Колокольцев М. М. Этнопедагогический компонент физического воспитания школьников // *Образование и наука*. – 2017. – Т. 19, № 3. – С. 156–170. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-3-156-170> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28908723>
8. McElligott R. “Boys indifferent to the manly sports of their race”: nationalism and children's sport in Ireland, 1880–1920 // *Irish Studies Review*. – 2019. – Vol. 27 (3). – P. 344–361. DOI: <https://doi.org/10.1080/09670882.2019.1584977>
9. Morales M. P. Exploring indigenous game-based physics activities in pre-service physics teachers' conceptual change and transformation of epistemic beliefs // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. – 2017 – Vol. 13 (5). – P. 1377–1409. DOI: <https://doi.org/10.12973/eurasia.2017.00676a>
10. Williams J. 'I didn't even know that there was such a thing as aboriginal games': a figurational account of how Indigenous students experience physical education // *Sport, Education and Society*. – 2018. – Vol. 23 (5). – P. 426–474. DOI: <https://doi.org/10.1080/13573322.2016.1210118>
11. Токмашева М. А., Ильин А. А., Капилевич Л. В. Влияние шорских национальных подвижных игр на формирование двигательных навыков у школьников с учетом этнических особенностей // *Science for Education Today*. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 254–271. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1903.15> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38538219>
12. Lee J.-K., Shin S., Yoo H. H. Exploring the Ontological Status of the Race Concept as Perceived by Korean Medical Students // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. – 2018. – Vol. 14 (10). – Article No: em1582. DOI: <https://doi.org/10.29333/ejmste/92288>

13. Huang T.-H., Liu Y.-C. Science education curriculum development principles in Taiwan: connecting with aboriginal learning and culture // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. – 2017– Vol. 13 (5). – P. 1341–1360 DOI: <https://doi.org/10.12973/eurasia.2017.00674a>
14. Тахохов Б. А. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в контексте глобализации // *Science for Education Today*. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 73–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1904.05> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39256955>
15. Дагбаева С. Б. Тенденции и варианты этнической социализации подростков // *Российский психологический журнал*. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 140–156. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.1.7> URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35155912>
16. Мустафаева Д. Ш. Семья как источник общечеловеческих и национально-этнических ценностей в воспитании и развитии личности // *Мир науки, культуры, образования*. – 2015. – № 2. – С. 96–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23737102>
17. Иванов А. А., Иващенко Я. С. Аксиология формирования человека в традиционной культуре. // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. – 2018. – Т. 8, № 6. – С. 236–249. DOI: <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1806.15> URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36655303>
18. Дашиева Л. Д. Семантика обрядов перехода в песенной традиции западных бурят // *Вестник Томского университета. Культурология и искусствоведение*. – 2017. – № 28. – С. 98–105. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/28/9> URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30707371>
19. Цыдыпов Б. Д., Гомбожапова Х.-Ц. Д. Историко-культурные предпосылки народного воспитания у бурят // *Вестник Забайкальского государственного университета*. – 2014. – № 4. – С. 58–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21536947>
20. Дамбаева А. Н. Традиционная система воспитания бурят // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2012. – № 15. – С. 120–124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18266858>

Zinaida Batorovna Lopsonova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Department of Pedagogy of Primary and Preschool Education,
Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6777-361X>
E-mail: lopsonova@mail.ru (Corresponding Author)

Dorzha Mikhailovich Mansheev

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy, History and Cultural Studies,
East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude,
Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9987-4845>
E-mail: dorzham@mail.ru

The specifics of children's socialization in the traditional Buryat culture

Abstract

Introduction. *The article is devoted to the problem of children's socialization in the traditional culture of the Buryats. The purpose of the article is to describe the specifics of children's socialization in the traditional Buryat culture through identification of educational values and tools of children's socialization, which had a significant impact on personality formation.*

Materials and Methods. *The traditions of the tribal culture served as the ideals of education, characterized by valuing children. Having conducted a theoretical analysis of Buryat ethnography, the authors identified the specificity and tools of children's socialization in the traditional culture. The comparative analysis enabled the authors to identify similarities and differences in understanding childhood and educational traditions among the Mongol-speaking peoples. The modeling method helped to clarify the empirical data and describe the Buryat idea of childhood.*

Results. *The study revealed that the main agents of socialization include the family and the extended family. The authors analyzed practices and mechanisms of children's socialization based on ceremonial and ritual actions which ensure the transition between childhood and adulthood. The article outlined traditional Buryat educational values, determining behavioral models and the self-concept in the system of social relations, and early labor participation. A model of the stages of childhood for the traditional Buryat culture was developed.*

Conclusions. *The origins of valuing children were integrated into the life support system of the traditional Buryat society. The system of traditional Buryat educational values includes parental responsibility before the extended family and the clan for raising children and their personality formation. Having large families with many children is supported by the belief in the rebirth (transmigration of souls), recognizing the special mission of parenting, and the tradition of transferring children to childless relatives. The tools of socialization in the nomadic community include rites of passage from childhood to adulthood, early labor participation and gender differentiation.*

Keywords

Traditional culture; Educational values; Initiations (rites of passage); Socialization; Transitional rites; Family traditions.

Acknowledgments

The study was financially supported by the Banzarov Buryat State University. Project No. 19-09-0502.

REFERENCES

1. Orlandi R., Capelin P., Garcia R., Oliveira A. Education and Ethnic-Racial Relations: Altering Encounters between University and Community. *Open Journal of Social Sciences*, 2018, vol. 6 (12), pp. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.4236/jss.2018.612008>
2. Zhang J. Educational diversity and ethnic cultural heritage in the process of globalization. *International Journal of Anthropology and Ethnology*, 2019, vol. 3, article no: 7. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41257-019-0022-x>
3. Petrikova A., Kuprina T., Beketova A., Mishenkova M. Intercultural aspects of concept “tolerance” and facilities of creating tolerant academic environment. *XLinguae*, 2017, vol. 10 (4), pp. 287–303. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.04.24>
4. Beketova A. P., Kuprina T. V., Petrikova A. Development of students’ in-tercultural communicative tolerance in the university multilingual educational environment. *Education and Science*, 2018, vol. 20 (2), pp. 108–124. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-108-124> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32561584>
5. Jules T. D. Mature regionalism’ and the genesis of ‘functional projects’: ‘educational regionalism’ in small (and micro-states). *Globalisation, Societies and Education*, 2017, vol. 15 (4), pp. 482–498. DOI: <https://doi.org/10.1080/14767724.2016.1264289>
6. Lianaki-Dedouli I., Plouin J. Bridging anticipation skills and intercultural competences as a meansto reinforce the capacity of global citizens for learning to learn together. *Futures*, 2017, vol. 94, pp. 45–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.03.001>
7. Kolokoltsev M. M. Ethnopedagogical component in physical training of schoolchildren. *Education and Science*, 2017, vol. 19 (3), pp. 156–170. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-3-156-170> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28908723>
8. McElligott R. “Boys indifferent to the manly sports of their race”: nationalism and children’s sport in Ireland, 1880–1920. *Irish Studies Review*, 2019, vol. 27 (3), pp. 344–361. DOI: <https://doi.org/10.1080/09670882.2019.1584977>
9. Morales M. P. Exploring indigenous game-based physics activities in pre-service physics teachers’ conceptual change and transformation of epistemic beliefs. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 2017, vol. 13 (5), pp. 1377–1409. DOI: <https://doi.org/10.12973/eurasia.2017.00676a>
10. Williams J. ‘I didn’t even know that there was such a thing as aboriginal games’: A figurational account of how Indigenous students experience physical education. *Sport, Education and Society*, 2018, vol. 23 (5), pp. 426–474. DOI: <https://doi.org/10.1080/13573322.2016.1210118>
11. Tokmasheva M. A., Ilyin A. A., Kapilevich L. V. The influence of Shor traditional children’s games on developing schoolchildren’s motor skills taking into account their ethnic background. *Science for Education Today*, 2019, vol. 9 (3), pp. 254–271. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1903.15> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38538219>
12. Lee J.-K., Shin S., Yoo H. H. Exploring the Ontological Status of the Race Concept as Perceived by Korean Medical Students. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 2018, vol. 14 (10), article no: em1582. DOI: <https://doi.org/10.29333/ejmste/92288>

13. Huang T.-H., Liu Y.-C. Science education curriculum development principles in Taiwan: connecting with aboriginal learning and culture. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 2017, vol. 13 (5), pp. 1341–1360. DOI: <https://doi.org/10.12973/eurasia.2017.00674a>
14. Takhokhov B. A. Development of students' ethno-cultural competence in the context of globalization. *Science for Education Today*, 2019, vol. 9 (4), pp. 73–92. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1904.05> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39256955>
15. Dagbaeva S. B. Tendencies and types of ethnic socialization among adolescents. *Russian Psychological Journal*, 2018, vol. 15 (1), pp. 140–156. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.1.7> URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35155912>
16. Mustafaeva D. S. The family as a source of human and national and ethnic values in education and personality development. *World of Science, Culture, Education*, 2015, no. 2, pp. 96–98. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23737102>
17. Ivanov A. A., Ivaschenko Y. S. Axiology of human formation in traditional culture. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, vol. 8 (6), pp. 236–249. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1806.15> URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36655303>
18. Dashieva L. D. The semantics of a rite of passage in the song tradition of the western Buryat. *Journal of the University of Tomsk. Cultural Science and Art Criticism*, 2017, no. 28, pp. 98–105. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/28/9> URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30707371>
19. Tsydyпов B. D., Gombozhapova H.-Ts. D. Historical and cultural background of public education of the Buryats. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 2014, no. 4, pp. 58–64. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21536947>
20. Dambayeva A. N. Traditional system of upbringing at Buryats. *Journal of Buryat State University*, 2012, no. 15, pp. 120–124. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18266858>

Submitted: 09 February 2020

Accepted: 10 July 2020

Published: 31 August 2020

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).